

ЧТО С ВАМИ ПРОИЗОШЛО ПО ПУТИ ИЗ ТАШКЕНТА В НЬЮ-ЙОРК, М-Р СТАЙРОН?

О писателе Уильяме Стайроне я узнал, познакомившись с опубликованной в журнале «Иностранная литература» его повестью «Долгий марш».

Чтение этой повести, полной отзвуков трагизма жизни, а также беседы с литераторами о других его произведениях создали впечатление об Уильяме Стайроне, как писателе, не отклоняющем взгляда от жестокой правды жизни. А то, что он вместе с другими своими коллегами выступал против преступной войны во Вьетнаме, рождало уважение к нему как к человеку-гражданину.

И, естественно, когда в дни встречи афро-азиатских писателей в Ташкенте в октябре прошлого года представилась возможность познакомиться со Стайроном, единственным американским гостем этой конференции, я обрадовался этой возможности.

После одного из заседаний, в обеденный перерыв, кто-то из товарищей подвел меня к столу в полном интернационального разноглосья зале гостиницы «Ташкент» и познакомил с Уильямом Стайроном и его супругой Рут Стайрон. По возвращении в Москву мне пришлось еще раз повстречаться с У. Стайроном — в беседе с ним также принимал участие директор ИМЛИ критик Борис Сучков и литературовед Георгий Брейтбурд.

Как всегда водится при первом знакомстве, добрых две трети наших не слишком продолжительных бесед со Стайроном вращались вокруг всяческих мимолетных впечатлений от нашей страны. Только уж совсем к концу нашего московского разговора по моей инициативе возникли вопросы более общие — о нынешней обстановке в мире, об атмосфере предвыборной борьбы в США, о Вьетнаме, о позиции американской интеллигенции в этом вопросе.

Слушая мнения и суждения Стайрона по всему кругу этих проблем, мы чувствовали, что наш собеседник сдержан, осторожен в суждениях. Было ясно его отрицательное отношение к вьетнамской аванюре американского правительства, но чувствовалась сдержанность в оценке таких явлений, как взрывы негритянских волнений, молодежные демонстрации, складывающаяся расстановка политических сил в стране в связи с приближающимися президентскими выборами.

Беседа проходила в атмосфере взаимной лояльности. И ее содержание, наверное, потонуло бы в водовороте последующих событий и стерлось бы в памяти, как впечатления от многих подобных мимолетных разговоров и знакомств. Но странно и неожиданно было то, что случилось после отъезда наших гостей на родину.

Когда я прочел содержание интервью, данных Уильямом Стайроном по возвращении из Ташкента корреспонденту парижского еженедельника «Фигаро литерер» и корреспонденту «Нью-Йорк таймс», я, честно говоря, глазам своим не поверил.

Во втором интервью мистер Стайрон, превратив меня в «официального советского представителя», приписал мне суждение об Америке как о фашистском государстве и утверждение о том, что «Ричард Никсон, очевидно, станет фашиствующим президентом», после чего в Стайроне, как он говорил интервьюерам, в конце концов... «заговорили остатки патриотизма».

Действительно, разговор об идущих в обществе США процессах поляризации социальных сил был, действительно я, имея в виду факты расширяющегося кровавого политического террора (убийство братьев Кеннеди, Мартина Лютера Кинга и ряд других политических убийств), имея в виду активизацию чисто фашистских организаций и характер избирательных лозунгов расиста Уоллеса, высказывал опасение относительно быстрого роста процессов, очень похожих на те, что предшествовали приходу к власти Гитлера и привели к трагедии мировой войны. В этой связи возникли естественные ассоциации между войной во Вьетнаме и гражданской войной в Испании, хотя в то же время один из участников беседы заметил, что сегодня фашизм может принять иные формы, чем вчера. Однако размашистого обобщения, проистекающего из моих опасений, вызванных разрастанием тенденций фашизации и относящихся ко всему сегодняшнему строю США, в моих высказываниях не содержалось и повода к «пробуждению остатков патриотизма» моего американского собеседника они не давали. Тем более не было с моей стороны попыток объявить тогдашнего республиканского

кандидата, нынешнего президента Ричарда Никсона, к которому я, впрочем, никогда особых симпатий не питал, «фашиствующим президентом».

Но, когда все эти разговоры дошли до кульминационной точки, мистер Стайрон, действительно, сказал, как напечатано в интервью:

«Все это, может быть, и правда, но одного мы не делали и не делаем, мы не сажаем наших писателей в тюрьму за то, что они пишут. Наша система правосудия, как бы она ни была ненадежна и достойна осуждения, выше правосудия в Советском Союзе».

Если память не изменяет мистеру Стайрону, ему на эту сентенцию было отвечено, что у него на родине и на европейском Западе за последние годы стали зачислять в советские писатели любых нарушителей советского закона и что у него на родине и в прошлом и ныне арестовывали и судили, арестовывают и судят людей за их убеждения (например, доктора Спока, писателя Гудмэна и других), за то, что они пишут и высказывают. И только ли в Соединенных Штатах происходит подобное вещи? И дает ли нынешняя обстановка в западном мире мистеру Стайрону основания заявлять французскому журналисту, что в СССР «до полной свободы, которая царит в Америке и во Франции, еще далеко...»

Как это вяжется с той осторожной, но достаточно твердой оценкой состояния сегодняшней «американской демократии», которую мы услышали из уст нашего гостя?

Вообще, печать странной непоследовательности и экстравагантности суждений лежит на обоих прочитанных мной интервью мистера Стайрона.

В припадке доброжелательства Стайрон заявляет, что СССР и США породнены своим стремлением к изоляционизму (!!!), что он в СССР чувствовал себя «как дома», потому что «и мы и они — экстравагантные натуры, темпераментны и несдержанны, любим выпить, переходим с одинаковой легкостью от депрессии к радостному возбуждению, нами руководит инстинкт господства. Мы и они горды, фаталистичны, склонны к мистицизму».

Не мне судить, похож ли этот психологический портрет, нарисованный Стайроном, на истинный облик его соотечественника. Но смею заверить нашего недавнего гостя, что он, наделяя такими чертами характера моего соотечественника, советского человека, которого я знаю несколько ближе и интимнее, чем Стайрон, явно попал пальцем в небо. И хвала Стайрону в данном случае горше сугубой хулы.

«Галопное», да к тому же еще избирательное знакомство со страной и ее людьми никогда не приводит к добру тех, кто отваживается по мимолетным встречам и словам, сказанным «за стаканчиком виски», делать серьезные обобщающие суждения и осуждения.

Мистер Стайрон посчитал возможным после недолгих бесед с какими-то литераторами прийти к заключению, будто все советские писатели подвергаются «официальному нажиму», что «они не имеют права писать все, что приходит им в голову».

Из коротких бесед за стаканчиком горячительного у нашего мимолетного гостя сложилось ложное впечатление об отношении советских писателей, как творческого коллектива, к событиям в Чехословакии.

Не исключено, что некоторые из случайных знакомых заокеанского гостя, чтобы прослыть перед заезжим человеком «свободомыслящими», высказывали соображения, идущие вразрез с общим мнением писателей, но серьезному человеку и совестливому писателю неприлично на основе застольной болтовни выносить суждения о большом коллективе людей, про которых он сам же в одном из своих интервью пишет, что «они любят свою страну, быть может, больше, чем мы любим нашу, и они поддерживают основы социализма».

За многолетнее общение с иностранными литературными гостями мне не раз приходилось сталкиваться с метаморфозами, подобными той, которая произошла с Уильямом Стайроном.

Приедет человек ненадолго. Что-то увидит, с кем-то познакомится, рассыплет по пути своего следования щедрые горсти комплиментов и признаний, создаст о себе впечатление, как о проникательном человеке и искреннем друге. А потом, не успев еще отряхнуть со своих подошв прах дорог гостеприимной страны, начинает сорить в печати попутных западных столиц обобщающие суждения в духе самого элементарного антисоветизма и холодной войны. Когда это касается заурядных литературных гастролеров, то обижаться не на что. Но когда серьезный человек, к тому же хороший писатель, встает на скользкую стезю подлаживания под вкусы интервьюеров из «Нью-Йорк таймс» и даже «Фигаро литерер», так, как это случилось с мистером Стайроном, становится грустно.

Наш заокеанский гость под конец высказал не новую, но вполне трезвую мысль о том, что «художники наводят мосты, которые государственным деятелям было бы не под силу построить. Искусство — универсальный язык, более пригодный для того, чтобы связывать людей, чем для того, чтобы их разъединять».

Не кажется ли ему, что экстравагантные, поверхностные суждения и неточные умозаключения, высказанные в довольно торопливых интервью, подмывают устои, на которых зиждется подлинное взаимопонимание людей?

АЛ. СУРКОВ